

НАДЕЖДА ВИНЮКОВА*

РУССКАЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ**

ОТ СВЕТСКОГО КАНОНА К ЦЕРКОВНОМУ

Получено: 10.10.2021. Рецензировано: 17.01.2022. Принято: 27.01.2022.

Аннотация: О понятии «интеллигенция» в русской мысли второй половины XIX – начала XX вв. в научной литературе сказано немало, однако по-прежнему остается неясным, как оно звучало при погружении в церковный контекст, существовала ли в представлениях того времени «церковная интеллигенция» и как идентифицировали себя «интеллигенты» в Церкви. Эти вопросы и ставит автор данной статьи, прибегая к анализу бытования этого понятия в работах как «интеллигентов», для которых религиозный вопрос был значим, так и представителей духовенства, которых мы условно можем обозначить происходящими «из интеллигенции». Конфликт секулярного и религиозного дискурсов представлен в рамках истории русской мысли и истории понятий. На рубеже веков стал заметным спектр интеллектуалов, имевших религиозный запрос, но в той или иной степени вступавших в конфликт с Русской Церковью. Он мог выражаться как в вызове официальной церковности и требовании ее обновления, так и в переживании внутреннего конфликта при попытке интегрироваться в традицию. Наиболее яркой группой стали «вернувшиеся» в Церковь «интеллигенты», особенно остро ощущавшие дуализм своего положения и испытывавшие трудности в самоидентификации. При погружении в церковный контекст понятие «интеллигенция», первоначально возникшее в светской среде и имевшее как позитивные, так и негативные коннотации, неизменно носило критический подтекст, основной нотой которого стали призыв к духовному перерождению и мечта о «новой интеллигенции», что отчасти получило реальное (хотя и не массовое) воплощение, практически не отрефлектированное современниками. Тем не менее к началу XX в. был выработан особый канон в религиозном осмыслении распространенного понятия.

Ключевые слова: интеллигенция, Русская православная церковь, русская общественная мысль, «Веки», И. С. Аксаков, Д. С. Мережковский, И. И. Фудель, С. Н. Булгаков.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-65-88.

*Винюкова Надежда Валерьевна, к. и. н., научный редактор Большой российской энциклопедии, шеф-редактор исторической программы «Кто мы?» на канале «Россия-Культура», nadinvin1@ya.ru, ORCID: 0000-0002-3030-086X.

**© Винюкова, Н. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено в 2021 г. за счет гранта фонда «Живая Традиция». Проект «История понятий как отражение социальной и ментальной истории Русской церкви».

Понятие «интеллигенция» в России будоражит умы публицистов и исследователей со времен своего появления в 1860-х годах. С тех пор главной антитезой в осмыслении этого социокультурного феномена станет оппозиция «интеллигенция / народ», к которой с ускоряющейся революционизацией общества на рубеже XIX–XX вв. добавится и привычная слуху сегодня оппозиция «интеллигенция / власть». Однако на периферии внимания историков по-прежнему остается не менее драматичное противопоставление «интеллигенция / церковь», которое сознавалось многими современниками.

О нем говорит не только оформление широкого слоя образованной общественности с индифферентным отношением к религии или прямо атеистическими настроениями, которое беспокоило многих церковных проповедников, и не только развитие революционного движения с логикой отрицания церкви, как части действующей власти. Наравне с этими явлениями существовал и спектр интеллектуалов, имевших религиозный запрос, в том числе тех, кто вступал в конфликт с традицией Русской православной церкви. Кто-то искал иные формы религиозной жизни (не стоит забывать о том, что эпоха Серебряного века способствовала всплеску увлечений мистицизмом, спиритизмом, оккультизмом и проч.), а кто-то выступал за утверждение в церковной традиции как «интеллигенции», так и (не без ее содействия) широких народных масс, не меньше нуждавшихся в христианском просвещении. Все эти траектории создавали особую систему координат, в которой жил и наполнялся новыми смыслами широкоупотребимый термин «интеллигенция», очень скоро получивший не только секулярное, но и церковное измерение.

Проблема взаимоотношений интеллигенции и церкви стала широко обсуждаться в исторической науке лишь в постсоветское время, при этом основное внимание уделялось религиозно-философским собраниям, обществам и концепциям (Фирсов, 2002; Интеллигенция и церковь, 2004; Воронцова, 2020; Антонов, 2020). Обращение к исторической семантике понятия «интеллигенция» пришлось уже на XXI век (Колоницкий, 2001; «Понятия о России»..., 2012; Гайда, 2020b; Гайда, 2020a; Сдвижков, 2021), однако специального погружения этого термина непосредственно в церковный контекст предпринято не было.

Светское понимание «интеллигенции» как «просвещенного» авангарда нации, заимствованное из Польши (и опосредованно из Германии) (Гайда, 2020b: 230–231), в России было первичным. Но параллельно с ним зародилась и особая интерпретация понятия: вместе с представлением об «интеллигенции» как таковой сформировался критический дискурс

ее восприятия, и неотъемлемой его частью стал вопрос о религии. При этом в своем развитии он подвергся влиянию славянофильства, народничества, таких «внепартийных» властителей дум, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, в начале XX в. — влиянию религиозно-философских собраний, московского и петербургского религиозно-философского общества, круга Д. С. Мережковского, прогремевшего в 1909 г. сборника «Вехи», малоизвестного до последнего времени «Кружка ищущих христианского просвещения» М. А. Новоселова.

Решающий вклад в смыслообразование термина в 1860-е гг. внес И. С. Аксаков, сразу добавивший в него критический элемент. Интеллигенция мыслилась им как образованное общество, чуждое «русской народности» и благовоющее перед западной мыслью (Аксаков, 1891: 181–182). Аксаков и другие консервативные публицисты (как, например, Н. Я. Данилевский) порой использовали пренебрежительный оборот «так называемая интеллигенция», подразумевая, в частности, ее отдаленность от «русского народного духа» (там же: 235). Сперва термин закрепился в националистической прессе (журналах Аксакова и М. Н. Каткова), а затем утвердился и в демократической (Сдвижков, 2021: 70). В разных политически ориентированных кругах — от консерваторов до социалистов — термин мог иметь как ироническую коннотацию (в «интеллигенцию» при этом могли включать и чиновников, и духовенство, и представителей свободных профессий), так и серьезную, согласно которой «интеллигенция» понимается как «лучшие люди», «передовая» общественность (Аксаков, 1891: 238–240). В последнем случае упоминания о представителях духовенства в ее рядах встретить сложнее. Если в 1860-х годах духовенство все еще имело пограничный статус и публицистами и литераторами круга И. С. Аксакова или Н. С. Лескова причислялось к «сельской интеллигенции», то с присвоением понятия демократическим лагерем духовенство скорее становится антагонистом «интеллигенции». Так, в 1880-е гг. публицист Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» отмечал, что духовенство не относится к интеллигенции «почти никогда» (Сдвижков, 2021: 80). К концу 1870-х гг. термин «интеллигенция» повсеместно употреблялся в отношении людей образованных, а народническая публицистика 1880-х годов утвердила вторую, «позитивную» коннотацию. Интеллигенция становится уже не просто «образованным обществом», а «носителем идеи». И это, разумеется, приводит к борьбе идей, а значит и к борьбе за образ и содержание «миссии» интеллигенции.

В 1880-е гг. в народнической публицистике (у Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского и др.) интеллигент периодически предстает в образе «народного угодника» (Гайда, 2020а: 57–58), т. е. появляется своего рода концепция новой святости, не связанной с церковной традицией. Эта идея альтернативной святости (с поклонением идее, народу, но не Христу) изначально выделялась сущностной чертой интеллигенции, которой давались диаметрально противоположные оценки. Такая «святость» устраивала далеко не всех, отчего возникали проекты «новой интеллигенции».

Не один публицист ждал обновления «интеллигенции», и зачастую эти ожидания включали оттенки идеологии: надежды на появление «новой интеллигенции» возлагал М. Н. Катков (Колоницкий, 2001: 160), о задачах «государственной интеллигенции» писал К. П. Победоносцев (Победоносцев, 2001: 4).

В религиозном смысле вслед за Аксаковым надежду на то, что «возрождается и идет новая интеллигенция», которая «хочет быть с народом», т. е. любит и уважает то, что для народа «более и выше всего, что есть в мире, — то есть своего Бога и свою веру», выразил Ф. М. Достоевский в 1880 г. в частном письме (цит. по: Гайда, 2020а: 56). Примечательно, что и такой крупный теоретик либерализма, как К. Д. Кавелин, критиковавший «интеллигенцию» за идеализацию крестьянства и поверхностное восприятие европейской мысли (Арсланов, Блохин, 2014: 25), в письме тому же Достоевскому отмечал, что «просвещение народных масс в духе христианства еще ожидает своих деятелей» (Кавелин, 1989: 463). В письме к Победоносцеву в 1905 г. епископ Антоний Храповицкий пожелал ему «увидеть всходы интеллигенции, возрожденной, народной, православной» (Митр. Антоний, 2007: 241).

Эти настроения в 1880-е гг. метко были названы «православным народничеством». Неологизм был введен в работе «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли» (1888) И. И. Фуделем (1864 / 65–1918), тогда студентом Московского университета, еще не принявшим священный сан и не ставшим близким другом и первым издателем сочинений К. Н. Леонтьева. Стоит остановиться подробнее на восприятии интеллигенции Фуделем (вскоре — отцом Иосифом), который был «поглощен общей мыслью о слиянии церкви, народа, интеллигенции. С интеллигенции он начал писательство и никогда ее не забывал» (Тихомиров, 2020: 280). Помимо его публицистики и общественной деятельности, в которых тема интеллигенции и религии занимала центральное место, любопытна сама биография отца Иосифа,

поскольку она явила собой редкий для 1880–90-х гг. пример перехода из среды той самой «интеллигенции» в духовенство, что не могло не сопровождаться особой остротой восприятия этой темы.

Начиная с 1886 г. статьи Фуделя пестрили словом «интеллигенция», на восприятие которого накладывался отпечаток как славянофильства, так и народничества. Уже умер Ф. М. Достоевский, прогремевший незадолго до смерти «Пушкинской речью» (критически осмыслявшей отрыв интеллигенции от народа — «хранителя христианской правды»), и «последний из отцов» славянофильства (по выражению Фуделя) И. С. Аксаков. «Лучшие люди», имеющие своей «человеческой, христианской и нравственной обязанностью» (И. И. Фудель, 1888: 172) служение народу, обличались Фуделем в классическом наборе «грехов»: «безнациональности», безверии, поверхностном критиканстве. Уже в 1892 г. тональность станет более резкой (Русское обозрение, 1892а: 288):

Чуждо Церкви не общество, а только часть общества. Именно та часть, которую принято называть иностранным и глубоко-пошлым словом «интеллигенция».

«Европействующий интеллигент» появляется для Фуделя именно в контексте проблемы взаимоотношений интеллигенции и церкви, расхожее представление о пропасти между интеллигенцией и народом осмысляется им именно как ее разрыв с церковью — основоположницей народной жизни. Одна из первых статей Фуделя в журнале «Русское обозрение», в редакции которого он состоял в 1890-е гг., поднимала проблему разделения печати на светскую и духовную. Он констатировал парадокс: светская печать абсолютно игнорирует церковную жизнь, в которую вовлечено большинство населения страны и читателей журналов.

Примечательно, что для Фуделя этот разрыв мог быть преодолен. На понятие времени с негативной коннотацией у Фуделя накладывалось широкое представление об «интеллигенции» как об образованном обществе, заложенное традицией 1860–70-х годов. В 1904 г., говоря о важности учительства, он писал (И. И. Фудель, 1904: 9):

«Ищите прежде всего Царствия Божия и правды его!» [...] И «Царствие Божие внутри вас есть!» Вот это предстоит русскому народу во всей его целостности, т. е. и простому народу, как непосредственному хранителю в тайниках своих новых начал жизни, так и в союзе с ним интеллигенции, как сознательной истолковательнице этих начал.

Неслучайным было обращение отца Иосифа к наследию проповедников православной культуры славянофила И. В. Киреевского (о нем он

оставил лишь одну статью (Поминки по И. В. Киреевском, *podate(b)*: Л. 44–46), замысел издания труда о славянофилах так и не был осуществлен) и самобытного философа К. Н. Леонтьева — церковных интеллектуалов, которые могли бы, на его взгляд, приблизить «интеллигенцию» к церкви.

Как вспоминал Фудель (ставший близким другом Леонтьева, а после смерти философа, принявшего накануне монашеский постриг, — первым издателем собрания его сочинений), около Константина Николаевича

был всегда кружок молодежи, искренно любившей его и сердечно привязанной к нему; многие из этого кружка обязаны К. Н. Леонтьеву своим духовным возрождением и началом своего христианского воспитания. Мы говорим началом, потому что дело К. Н. Леонтьева было только возбудить в человеке желание уверовать, узнать учение Церкви, полюбить Церковь; за дальнейшим он уж отсылал своего ученика к Оптинским старцам, или если нельзя было, то просто к хорошему священнику или монаху. Мы уверены, что ученики К. Н. Леонтьева, так многим ему обязанные, будут продолжать *эту сторону его деятельности* и тем приумножат то добро, какое сделал К. Н. Леонтьев (И. И. Фудель, 1892: 406)¹.

С особой теплотой писал Фудель и о личности преподобного оптинского старца Амвросия, с которым соприкоснулся как он сам, так и многие «интеллигентные» умы (Русское обозрение, 1892b: 876):

Пока печать упорно не замечала ничего вне «интеллигентных» течений, люди общества стремились в Оптину пустынь к старцу Амвросию, как бы следуя завету И. В. Киреевского: «чтобы понять христианство, надо узнать монашество, чтоб узнать монашество, надо ездить в Оптину». За последнее десятилетие обозначилось целое движение образованных людей к старцу Амвросию.

Деятельная натура Фуделя шла вразрез с чрезмерным охранительством обер-прокурора К. П. Победоносцева (скептически относящегося к делу духовного просвещения «интеллигенции») (Фирсов, 2002: 100) или стремлениями К. Н. Леонтьева «подморозить Россию» (Леонтьев, 1912: 124): в их представлении соединение интеллигенции с народом принесло бы только вред (подробнее см.: Винюкова, 2018: 100–109). Этому «пессимистическому реализму» Фудель противопоставлял свою

¹О круге молодых «учеников» Леонтьева (И. Кристи, А. Александров, Г. Замаараев, Н. Уманов, Я. Денисов, И. Фудель, Ф. Чуфрин, Е. Погожев, И. Колышко) см.: Фетисенко, 2012.

деятельность (служение, просвещение, благотворительность) и «религиозный идеализм» — веру в то, что соединение с народом преображенной христианским духом интеллигенции (которая воспитает в крестьянине сознательного христианина) выведет страну на самобытный путь развития. Эта задача восстановления коммуникации между православной церковностью и «интеллигенцией», преодоления «интеллигентом» внутренней раздвоенности была одной из наиболее насущных в русской религиозной мысли, по сути, начиная со славянофилов (Антонов, 2020: 417, 602).

В 1890-е гг. Отец Иосиф тщательно отслеживал случаи принятия духовного сана светскими людьми и даже говорил о «религиозном движении», т. е. о «появлении целой группы образованных людей, сознательно отдающих свои силы на служение Церкви Православной» (Русское обозрение, 1892с: 903, 973). Находясь внутри церкви, он стремился к ее большому сближению с интеллигенцией посредством проповеди, в том числе и публицистической. Именно в печати, как он считал, «колеблющийся интеллигент ищет разрешения смущающих его сомнений», а для церкви в ней открывается широкое поле для «внутренней миссии» среди интеллигенции (О христианской публицистике, nodate(a): Л. 28–32). Он писал (Церковное учительство, nodate(c): Л. 19–20):

Только огненное ораторское слово проповедника способно всколыхнуть стоячее болото интеллигентного самомнения и равнодушия к Церкви,

Стремление Фуделя к поощрению «религиозного движения» нашло воплощение и в его совместной деятельности с М. А. Новоселовым (1864–1938; бывшим толстовцем² и будущим новомучеником): в участии в организованных им Клинских съездах 1895 г., на которых собиралась деревенская «интеллигенция» — учителя, фельдшеры и т. п. (Тихомиров, 2020: 284), — и в разработке программы «Религиозно-философской библиотеки» (РФБ) (там же: 286). Это был уникальный издательский проект начала XX в., призванный через избранные произведения как Отцов Церкви, так и известных современников — от славянофилов до западников и социалистов (это могли быть как И. В. Киреевский или А. С. Хомяков, так и А. И. Герцен или Л. Н. Толстой) — приводить читающую публику к вечным вопросам и христианским ответам.

²В 1890-е гг. Новоселов постепенно сблизился с оптинскими старцами, о. Иоанном Кронштадтским, обращение же из толстовства приписывал влиянию старца подмосковной Зосимовой пустыни иеросхимонаха Алексея (Соловьева).

Издательская деятельность под грифом РФБ началась в 1902 г. с публикации брошюры Новоселова с «программным» названием «Забывтый путь опытного Богопознания (в связи с вопросом о характере православной миссии)» (1902). В ней Новоселов приводил множество свидетельств «обращенных» словом святых отцов «интеллигентов». «Интеллигент» в брошюре оказывается синонимичен «неверующему» (Новоселов, 2019: 54–55):

Один врач, бывший революционер, говорил мне, что «когда он думал, что уже нет нигде новых источников жизни, случайно прочитанная им фраза Исаака Сирина приковала к себе его ум своей глубиной, а сердце своей силой». Св. Исаак показал ему, по его словам, «реальность бытия иного мира». Вот он — дух истинного миссионера-отшельника, из пустыни VI века пробивающего брешь в сердце современного интеллигента!

В 1905 г. Новоселов писал Ф. Д. Самарину (цит. по: Полищук, 1994):

Хотелось бы издать также Белинского, Влад. Соловьева, Кавелина — о царской власти. Эти имена не отталкивают и оппозицию... Если найду средства, то издам ряд маленьких брошюр по этому основному вопросу нашего бытия.

Заслуги Новоселова в деле духовного просвещения и христианской апологетики были признаны, о чем говорит его избрание почетным членом Московской духовной академии в 1912 г. Любопытно, что философ В. В. Розанов однажды подарил Новоселову свою книгу «Опавшие листья» (опубликована в 1913–1915 гг.) с такой дарственной надписью (Пришвина, 2003):

Дорогому Михаилу Александровичу Новоселову, собирающему травы на ниве церковной и преобразующему их в корм для нашей интеллигенции. С уважением, памятью и любовью В. Розанов.

Новоселовский «Кружок ищущих христианского просвещения» (1907–1917) стал заметен в Москве, в нем регулярно обсуждались доклады, на открытых и закрытых заседаниях проводились чтения (в 1908–1909 гг. в нем образовалась секция по «Изучению Нового Завета» под руководством Ф. Д. Самарина, а позднее, в 1918 г., на квартире Новоселова были организованы «Богословские курсы»). В этом неформальном объединении с миссионерским акцентом на первое место ставилось личное братское общение участников и их воцерковление. Количество действительных членов кружка, состоявшего в основном из представителей

интеллигенции³, было всегда небольшим, порядка 10–15, но чтения посещали по несколько десятков человек. Многие члены были связаны с Московской духовной академией.

В 1901 г. на орловском Миссионерском съезде, где отец Иосиф Фудель был единственным представителем от Москвы, прозвучал его доклад «Миссия среди интеллигенции». Сообщение встретило общее сочувствие и одобрение (И. И. Фудель, 1901: 497) (подробнее см.: Айвазов, 1901): Фудель призывал духовенство «идти навстречу малейшему наклону в нашу сторону людей колеблющихся» (И. И. Фудель, 1901: 501) при важном условии — снисходительности и любви. «„Миссия среди интеллигенции“... Как заманчиво прозвучало это для многих», — вспоминала З. Н. Гиппиус эту формулировку, ознаменовавшую суть открытых в Санкт-Петербурге Религиозно-философских собраний (1901–1903) (Гиппиус, 1951: 93).

Противопоставление безрелигиозной любви интеллигенции любви «подлинной», «Христовой» прозвучит в открывающем собрания докладе В. А. Тернавцева «Русская церковь перед великою задачей». Центральным для Тернавцева стал вопрос о «духе» того «просвещения», которое сообщает «интеллигенция» народу (ведь еще в допетровском языке под человеком «просвещенным» понимается праведный, святой). Отстаивая статус «интеллигенции» как нравственной, учительствующей силы, называя ее «особой породой людей», он указывал на то, что «ничто так не народно в России, как Церковь», но «интеллигенция не видит, не понимает этого» (Записки Петербургских религиозно-философских собраний (РФС), 1906: 13), хотя сокрывает в себе потенциал «благочестия и служения». Доклад Тернавцева, вызвавший широкий резонанс, не только призывал интеллигенцию к «возвращению» в церковь, но и закреплял это понятие в поле религиозной мысли. В дальнейшем автор доклада был приглашен на службу в Синод и стал дружен с Новоселовым. Позднее близкие Тернавцеву, но еще более критические мысли выражал С. Н. Булгаков в статьях «Интеллигенция и религия» (Булгаков, 1908) и «Героизм и подвижничество» (1909, сборник «Вехи»), что говорит о том, что эта тема стала классической для интеллигентского дискурса.

Устремления интеллигенции отыскать решение стоящих проблем внутри церкви в большей степени находили свое развитие в московской

³В состав кружка Новоселова входили В. А. Кожевников, П. Б. Мансуров, Н. Н. Мамонов, А. А. Корнилов, А. И. Новгородцев, С. Н. Булгаков, Н. Д. Кузнецов, П. А. Флоренский, Ф. К. Андреев, С. П. Мансуров, И. И. Фудель, Л. А. Тихомиров, С. Н. Дурылин, значимую роль играли и представитель аристократического рода Ф. Д. Самарин (автор Устава кружка) и епископ Феодор (Поздеевский).

религиозно-философской среде. Ее представители всячески подчеркивали свою преемственность по отношению к славянофилам и В. С. Соловьеву. Неслучайно основными организациями московской интеллигенции были Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева (1905–1918) и кружок Новоселова. Мыслители неославянофильского направления (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов, В. П. Свенцицкий, М. А. Новоселов, В. А. Кожевников и др.) на свою богословскую и просветительскую работу смотрели именно как на внутрицерковное дело, важное и для интеллигенции, и для самой церкви (Антонов, 2020: 352, 402).

Секретарь Московского религиозно-философского общества С. Н. Дурьлин (1886–1954) посвятит теме неверия дореволюционной интеллигенции и ее ответственности за него свою статью «Одиннадцатый час».

Все то доброе, что несла она (интеллигенция — *Н. В.*) в народ, неизменно отравлялось прививкой безбожия и анти-христианства. Считалось несомненным, что религия и христианство есть нечто несовместимое, мало того: враждебное науке, культуре, знанию, общественной правде. В этом воззрении воспитывался народ, соприкасаясь с интеллигенцией (Дурьлин, 2014: 455).

И в итоге по вине «интеллигенции» народ «явил лик звериный», — писал Дурьлин в 1918 г. Он призывал «интеллигенцию» к покаянию и перерождению уже в Советской России (там же: 456):

Интеллигенция должна сознать великий грех, ею содеянный. Это сознание должно выразиться в пересмотре своих воззрений на религию, в честном и прямом искании веры, в искании путей религиозного самовозрождения. Она должна вернуться — духовно и физически — к народу, но не с проповедью безбожия, а с исповедованием имени Христова. Еще есть на это время...

Тема соотношения науки и религии интересовала его в те годы по ряду причин: за спиной он имел период безверия, ухода из гимназии (высших учебных заведений Дурьлин не окончил, хотя впоследствии состоялся как ученый), «обращения» и возвращения в церковь в 1910-е гг., а в 1920 г. его ожидало принятие священного сана (С. Н. Булгаков стал священником еще в 1918 г.).

Отрицание преобладающего типа «интеллигенции» с призывом к ее перерождению в «новую интеллигенцию» стало основной нотой церковного дискурса и в то же время получило реальное (хоть и «штучное») воплощение.

Однако критическая модель мышления в оценке феномена «интеллигенции» оказывала свое давление, затрудняла самоидентификацию,

порой не давала отдельным представителям ощущать себя «интеллигенцией» в церкви, делая это чем-то неорганичным. «Нельзя на одной полке держать Пушкина и Макария Великого», — слова С. Н. Дурьлина к С. И. Фуделю, сыну И. И. Фуделя, отражающие сохраняющуюся двойственность в самосознании людей из интеллигенции, «перешедших» в церковь (С. И. Фудель, 2016: 61).

Представители «нового религиозного сознания» (Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosoфoв, В. В. Розанов и др.), напротив, подчеркнуто дистанцировались от церкви. Их центром оставался Санкт-Петербург, а площадкой со временем стало Петербургское религиозно-философское общество (1907–1917). Его деятели были настроены политически левее московских коллег, были более критичны по отношению к традиционному православию и склонны к эстетическому модернизму. Совершенно иной подход как к термину «интеллигенция», так и к самому явлению в религиозном аспекте предлагал Д. С. Мережковский (1865–1941), возросший на народнических идеях, но вышедший за них в своих поисках «нового религиозного сознания», в мечтах об обновлении церкви. Мережковский называл интеллигенцию «великой», олицетворял ее с «живым духом России». Выводы о религиозности интеллигенции в одной из самых известных его работ «Грядущий Хам» (1906) парадоксальны: несмотря на нынешнее «безбожие», которое постоянно ставилось ей в упрек, «интеллигенция, доведенная до конца своего, придет к религии» (Мережковский, 1914: 38). Для понимания логики Мережковского стоит привести небольшой отрывок (там же: 32–34):

У русской интеллигенции нет еще религиозного сознания, исповедания, но есть уже великая и все возрастающая религиозная жажда. Блаженны алчущие и жаждущие, ибо они насытятся. Существуют многие противоположные, не только положительные, но и отрицательные пути к Богу. Богоборчество Иакова, ропот Иова, неверие Фомы — все это подлинные пути к Богу.

Пусть русские интеллигенты — «мытари и грешники», последние из последних. «Мытари и грешники идут в царствие Божие впереди» тех фарисеев и книжников, которые «взяли ключ разумения, сами не входят и других не пускают». «Последние будут первыми».

Иногда кажется, что самый атеизм русской интеллигенции — какой-то особенный, мистический атеизм. Тут у нее такое же, как у Бакунина, отрицание религии, переходящее в религию отрицания; такое же, как у Герцена, трагическое раздвоение ума и сердца: ум отвергает, сердце ищет Бога.

Для великого наполнения нужна великая пустота. «Безбожие» русской интеллигенции — не есть ли это пустота глубокого сосуда, который ждет на-

полнения? [...] О русской интеллигенции иногда можно сказать то же, что о Белинском: она еще не с Христом, но уже с ней Христос. [...] Сила русской интеллигенции — не в *intellectus'e*, не в уме, а в сердце и совести.

Признавая «мистический атеизм интеллигенции», Мережковский словно бы авансом менял в вопросе религии «минус» на «плюс», дело оставалось лишь за изменением самой церкви. Это постулирование «религиозной неосознанности» и религиозного потенциала атеистической «интеллигенции» разделяли далеко не все интеллектуалы. Кто-то жаждал обновления церкви, а кто-то — «интеллигенции», самих себя. Потрясения русской революции 1905–1907 гг. подтолкнули две линии к очередному столкновению: за годы существования Петербургского Религиозно-философского общества (1907–1917) пути «богоискателей» не раз сходились и расходились вновь. В 1908 г. там прозвучал доклад А. А. Блока «Россия и интеллигенция» с критикой интеллигентского «народолюбия» и сомнениями в способности «интеллигенции» возглавить народ (Блок, 2009: 363), послуживший своего рода преддверием сборника «Вехи» (1909). Жажда «революции духа» радикально настроенного Мережковского и его единомышленников вызвала отпор «кающихся» за революцию авторов «Вех», причем к политическим разногласиям тесно примыкали и религиозные, что отразилось в полемике вокруг сборника, в т. ч. на совещаниях общества, где Мережковскому оппонировали перешедшие «от марксизма к идеализму» С. Л. Франк и А. Б. Струве. Примечательно, что позиция последних двух философов в сборнике выделялась тем, что для них «интеллигент» принципиально нерелигиозен: они восстают даже против фигурального употребления слова «религиозность» (зачастую используемого вне идеи Бога, в смысле фанатизма, «героизма», страстной преданности идее, будь то анархизм или социализм) (Вехи, 2011: 190–191, 216–217).

«Вехи» в своем подзаголовке позиционировались ни много ни мало как «Сборник статей о русской интеллигенции». Проблема религии, остро поставленная в сборнике, стала своего рода итогом рефлексивной работы интеллектуалов, переживающих свой разрыв с церковью со времен славянофилов; сборник стал ярким примером диалога религиозного и секулярного дискурса (Антонов, 2012: 175–194), который был выведен в центр русской идейной жизни. В этом смысле он стал манифестом освобождения от уз «века Просвещения» и «века позитивизма» и требовал полного перерождения «интеллигенции». Сборник в очередной

раз доказал и то, что критика «интеллигенции» не есть исключительно прерогатива консерваторов.

Резонанс, вызванный «Вехами», был небывалым: в течение года сборник выдержал пять изданий, а тезисы «веховцев» дискутировались во многочисленных публицистических статьях и на устных диспутах, авторы сборников статей «В защиту интеллигенции» (1909), «„Вехи“ как знамение времени» (1910), «Интеллигенция в России» (1910) выступили с опровержением «веховской» критики интеллигенции, лидер партии кадетов П. Н. Милоков совершил специальное лекционное турне по России с опровержением «веховских» тезисов.

Для нас любопытна реакция на «веховский» манифест архиепископа Антония Храповицкого (1863–1936). Он — дворянин, окончивший гимназию, — в 1881 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, что было поступком для того времени незаурядным, и пошел по монашеской стезе, став одним из ярчайших церковных деятелей XX в. Для него проблема взаимоотношений интеллигенции и церкви была известна не понаслышке. В 1909 г. автор «Вех» Н. А. Бердяев (в 1910 г. издавший работу «Духовный кризис интеллигенции») обратился к владыке с откровенным письмом, в котором среди прочего говорил о страдании интеллигенции от разобщенности с Церковью и о том, что «именно отступление духовенства от своего высокого призвания удерживает интеллигенцию от возвращения в Церковь», имея в виду, в частности, безучастное или реакционное отношение пастырей к политической жизни (Митр. Антоний, 1909а: 2–3). В ответ владыка Антоний не просто приветствовал авторов «Вех», он призывал их к большему — к отказу от политической борьбы (Митр. Антоний, 1909b: 2–3):

Будем, каждый по мере сил, будить в людях совесть, разум, поэзию, затем и чувство религиозное, религиозное сознание. Предоставьте другим политическую борьбу, будь вы октябристы, или кадеты, или мирнообновленцы. Не нравственные проблемы должны раскрываться под влиянием политических стремлений, но последние должны являться на суд к этическому трибуналу. Да здравствует мораль, философия, поэзия! Да здравствуют те, которые провозгласили верховные права этих начал в общественной жизни. Да здравствуют те, которые раскрывают неразрывную связь этих начал с религией, и притом с религией живой, исторической, православной! Таких наш народ всегда признает своими, хотя бы они не могли служить ему непосредственно.

В этом же письме он упоминал, что «народ наш [...] чужой для светской интеллигенции», словно подразумевая, что «своей» будет «интеллигенция церковная».

Вслед за «Вехами» развитие церковной критики интеллигенции становится все более заметным. Апология православной церковности, суть которой в опыте и переживании духовной жизни, наиболее ярко была манифестирована таким крупным событием интеллектуальной и церковной жизни 1910-х гг., как выход книги отца Павла Флоренского (1882–1937) «Столп и утверждение истины» (1914), ставшей откровением для многих «интеллигентных» читателей. В книге, обращенной к «людям рассудка» и оказавшейся востребованной в этой среде, красной нитью проходит и тема «интеллигенции». Понятие это встречается здесь не раз, причем именно в критическом, негативном ключе. Оно употребляется именно в связи с религиозной проблемой и обладает чертами, препятствующими церковности. Несколько раз звучит мотив о болезненном дуализме:

Интеллигенты упрекают церковное непонимание в метафизическом дуализме, а сами не замечают, что ложь дуализма сваливают с себя на Церковь (Флоренский, 1990: 292);

Вся интеллигенция, в мистической сущности своей, есть именно «demi-monde» или, по крайней мере, имеет истинным своим властителем, задающим тон, — «demi-monde». Таково неизбежное жизненное ощущение оземляневших душ (там же: 299).

Неслучайно Флоренский укореняет «рассудочника-интеллигента» в «революционно-интеллигентском по преимуществу» XVIII веке (там же: 295):

Интеллигент хочет всюду видеть лишь искусственное, лишь формулы и понятия, а не жизнь, и притом — свои. XVIII-ый век, бывший веком интеллигентщины по преимуществу и не без основания называемый «Веком Просвещения», конечно, «просвещения» интеллигентского, сознательно ставил себе целью: «Все искусственное, ничего естественного!». Искусственная природа в виде подстриженных садов, искусственный язык, искусственные нравы, искусственная, — революционная, — государственность, искусственная религия. Точку на этом устремлении к искусственности и механичности поставил величайший представитель интеллигентщины — Кант, в котором, начиная от привычек жизни и кончая высшими принципами философии, не было, — да и не должно было быть по его же замыслу, — ничего естественного.

Темы полусвета, просвещения, революции были опытным путем пережиты молодым Флоренским, хорошо знавшим университетскую, академическую и революционную среду.

В начале XX в. среди интеллектуалов по-прежнему преобладали люди религиозно индифферентные, яркий пример тому — «интеллигентская» партия конституционных демократов, в повестке которой религиозный вопрос практически не стоял (в отличие от октябристов или монархических партий). В программе кадетов о Русской церкви говорилось только то, что она наравне с остальными конфессиями должна быть освобождена от государственной опеки. Закономерно, что некогда входившая в партию часть русских религиозных философов со временем ее покинула (как, например, С. Н. Булгаков, князь Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве). Примечательно своим пессимизмом касательно «религиозного движения» в России письмо А. П. Чехова к С. П. Дягелеву 1902 г. с едва брезжащим лучом надежды о начале далекого пути (Взыскующие Града, 2019: 232–233):

Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении в России. Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу, интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества не собирались. Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога — т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает.

Но материал данной статьи позволяет проследить особую, пусть и «неклассическую» линию, ту, которую мы могли бы назвать «церковной интеллигенцией». Проявление булгаковской интенции все же осуществлялось в действительности. Не массовое, но заметное явление переживания религиозного обращения в секуляризованном обществе отмечено и в исследованиях К. М. Антонова (Антонов, 2020). Помимо непосредственно интеллектуалов, уже находящихся в лоне церкви (цельный слой в этой группе составляет, например, профессура духовных академий и те, кто проходил через духовные школы) или «вернувшихся»

в него, в пореформенной России появляется еще один любопытный феномен. Со времени преобразований 1860-х гг. духовенство перестало быть замкнутым сословием: с одной стороны, дети священников получили право его покидать, с другой — оно могло пополняться извне, в т. ч. из «интеллигенции». Потому с этого времени в Российской империи начала складываться альтернативная «интеллигенция» по двум новым направлениям: как «интеллигенция» духовного происхождения («поповичи»), так и перешедшая в духовенство. В силу своей природы она не могла не вступить в борьбу за умы, а главное — ее представители зачастую переживали противоречие «интеллигенция / церковь» наиболее остро.

Новый тип «духовенства из интеллигенции»⁴ (из упоминавшихся в статье и оставивших свои размышления на эту тему — И. И. Фудель, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, С. Н. Дурылин, А. Храповицкий) для нас особенно интересен, поскольку ввиду нетипичности для России рубежа XIX–XX вв. такого социального и духовного «перехода», его представители испытывали особенно глубокую рефлексия. Это же касалось и тех интеллектуалов, которые если не вошли в алтарь, то прошли непростой путь обращения и воцерковления. По сути, эти люди, которые исчислялись не более чем десятками и являлись скорее исключением из правила, чем тенденцией, все же представляли из себя ту социальную общность, которую на рубеже веков можно было

⁴Фактически отец Иосиф Фудель, принявший священный сан в 1889 г., оказался «предтечей» этого нового социального типа — белого духовенства из интеллигенции. В его поколении подобные случаи были редки, но все же мы находим сведения о схожих путях (зачастую пересекавшихся). Так, из дворянского рода происходил московский священник И. В. Арсеньев (1862 г. р.), сохранилось его письмо к Фуделю о Леонтьеве; другой корреспондент отца Иосифа протоиерей М. И. Хитров (1851 г. р.) в 1870-е гг. окончил Московский Университет, а в 1895 г. принял сан. Также И. И. Кристи (1861 г. р.), друг Фуделя и один из любимых «учеников» К. Н. Леонтьева, явно был устремлен к священству, но не успел встать на эту дорогу из-за тяжелой болезни и ранней смерти. Стоит упомянуть и представителей аристократических семей С. К. Веригина (1868 г. р.) и Н. А. Толстого (1867 г. р.), впоследствии «свернувших» в католичество, но начавших свой путь православными священниками. Только в 1910–20-е гг. это явление перестанет быть чем-то исключительным. В 1910-х гг. немногочисленные ряды пополняют близкие Фуделю П. А. Флоренский (хиротония — 1911) и И. Н. Четверухин (1911). Революционные годы сильно изменят церковную жизнь, появятся такие яркие имена священников, как В. П. Свенцицкий (1917), С. Н. Булгаков (1918), С. Н. Дурылин (1920), Ф. К. Андреев (1926), С. П. Мансуров (1926), А. В. Ельчанинов (1926) и др. Такой поступок не всегда приносил молодым интеллигентным идеалистам окончательное разрешение всех «вечных вопросов» — каждый переживал ощущение раздвоенности, проходил через череду искушений (не только внутренних, но и внешних — вызовов революционной эпохи) и по-разному с ними справлялся.

бы назвать «церковной интеллигенцией» (термин из «веховской» статьи С. Н. Булгакова), но в силу малочисленности ее существования современникам констатировать не приходилось, скорее можно было только чаять ее. «Интеллигенция» никогда не имела сословного статуса, поэтому можно было перейти в «духовенство» (в то время еще сохранявшее сословные черты), но сохранить свою «интеллигентность», что не могло не оставлять отпечаток двойственности. Так или иначе, в осмыслении «интеллигенции» секулярному «канону» на рубеже веков стал противостоять церковный («народничеству» противопоставлялось «православное народничество»); позитивизму и нигилизму — «религиозное движение» образованных людей).

Обращение к истории понятия «интеллигенция» раскрывает как трансформацию вложенных в него идей, так и сложность самого явления. Можно заметить, что русское понимание «интеллигенции» выводит ее за рамки социального явления, профессиональной категории (людей интеллектуального труда), придавая ей мировоззренческую окраску, частью которой не может не быть религиозный вопрос. Русскую «интеллигенцию» рубежа XIX–XX вв. вполне можно рассматривать как явление и светской, и церковной имперской культуры. Драматизм столкновения секулярной «интеллигенции» с церковной традицией, несомненно, вызывал вопросы о совместимости с ней. На рубеже веков стал заметным спектр интеллектуалов, имевших религиозный запрос, но в той или иной степени вступавших в конфликт с Русской Церковью. Он мог выражаться брошенным «интеллигенцией» вызовом официальной церковности и требованием ее обновления или переживанием внутреннего конфликта при попытке интегрироваться в традицию, балансируя между обретенным в «обращении» и оставленным в прошлой светской среде. Критика «интеллигенции», неотъемлемой чертой которой считалось неверие, также стала мыслительным «канонem», к которому и склонялась церковная традиция, имеющая при этом разные оттенки: от отрицания «интеллигенции» и признания ее «вредной» — до надежд на «новую интеллигенцию» и попыток ее воплощения.

Источники

Рукописные источники

Фудель И. И. О христианской публицистике // Дом русского зарубежья. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 5.

Фудель И. И. Поминки по И. В. Киреевском // Дом русского зарубежья. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 5.

Фудель И. И. Церковное учительство // Дом русского зарубежья. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 5.

ЛИТЕРАТУРА

Айвазов И. Г. О свободе совести. — Тамбов : Губ. земск. типогр., 1901.

Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова. В 4 т. Т. 2. — СПб. : Типография А. С. Суворина, 1891.

Антонов К. М. «Вехи» : понятие религии в контексте философского постижения модерна в XX веке // «Вехи» русской религиозной мысли : 1909–2009. Акты симпозиума, прошедшего в Риме 26 февраля 2009 года. — Рим : б. и., 2012. — С. 175–194.

Антонов К. М. Как возможна религия? : философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков : в 2 т. — М. : ПСТГУ, 2020.

Арсланов Р. А., Блохин В. В. Интеллигенция в воззрениях российских либералов и реформаторов-демократов конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2014. — № 2. — С. 22–36.

Блок А. А. Россия и интеллигенция // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде) : история в материалах и документах : 1907–1917. В 3 т. Т. 1 / под ред. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатуряна. — М. : Русский путь, 2009. — С. 359–367.

Булгаков С. Н. Интеллигенция и религия (о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения) // Русская мысль. — 1908. — № 3. — С. 72–103. Вехи : сборник статей о русской интеллигенции / под ред. К. Васильева. — СПб. : Азбука-Аттикус, Авалонъ, 2011.

Взыскующие Града. Хроника русских литературных, религиозно-философских и общественно-политических движений в частных письмах и дневниках их участников, 1829–1923 гг. В 3 т. Т. 2. 1901–1904 / под ред. В. И. Кейдана. — М. : Модест Колеров, 2019.

Винюкова Н. В. И. И. Фудель о народном образовании (1890-е – начало 1900-х гг.) // Исторический журнал : научные исследования. — 2018. — № 4. — С. 100–109.

Воронцова И. В. «Заколдованный круг русского сознания...» : проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. — М., СПб. : Нестор-История, 2020.

Гайда Ф. А. Представления о миссии «интеллигенции» в российской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. — 2020а. — № 95. — С. 53–69.

- Гайда Ф. А.* «Русская интеллигенция» : рождение понятия // *Философия* : Журнал Высшей школы экономики. — 2020b. — Т. 4, № 2. — С. 229–248.
- Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. — Париж : YMCA-Press, 1951.
- Дурьмин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / под ред. А. Резниченко, Т. Резвых. — СПб. : Владимир Даль, 2014.
- Записки Петербургских религиозно-философских собраний (РФС). — СПб. : Склад у М. В. Пирожкова, 1906.
- Интеллигенция и церковь : прошлое, настоящее, будущее: материалы XV Международной научно-теоретической конференции, Иваново, 23–25 сент. 2004 г. / под ред. В. С. Меметова. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2004.
- Кавелин К. Д.* Письмо Ф. Д. Достоевскому // Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / под ред. В. К. Кантора, О. Е. Майоровой. — М. : Правда, 1989. — ???
- Колоницкий Б. И.* Идентификации российской интеллигенции и интеллигентофобия (конец 19 – начало 20 в.) // *Интеллигенция в истории : образованный человек в представлениях и социальной действительности* / под ред. Д. А. Сдвижкова. — М. : ИВИ РАН, 2001. — С. 150–170.
- Леонтьев К. Н.* Передовые статьи Варшавского дневника 1880 года. Т. 7. — М. : Издание В. М. Саблина, 1912.
- Мережковский Д. С.* Т. 14. — М. : Грядущий Хам, 1914.
- Митрополит Антоний (Храповицкий).* Н. А. Бердяеву // Колокол. — 1909a. — № 1045. — С. 2–3.
- Митрополит Антоний (Храповицкий).* Н. А. Бердяеву // Колокол. — 1909b. — № 1046. — С. 2–3.
- Митрополит Антоний (Храповицкий).* Остаюсь любящий неизменно. Сборник писем. — М. : Издательство Сретенского монастыря, 2007.
- Новоселов М. А.* Забытый путь опытного богопознания. — М. : T8 RUGRAM, 2019.
- Победоносцев К. П.* Церковь и государство // *Интеллигенция в истории : образованный человек в представлениях и социальной действительности* / под ред. Д. А. Сдвижкова. — М. : ИВИ РАН, 2001. — С. 6–29.
- Полищук Е. С.* Михаил Александрович Новоселов и его «Письма к друзьям» / Православная беседа. — 1994. — URL: <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=248> (дата обр. 26 марта 2022).
- «Понятия о России» : к исторической семантике имперского периода. В 2 т. Т. 1 / под ред. Д. Сдвижкова, И. Ширле. — М. : Новое литературное обозрение, 2012.
- Пришвина Н. Д.* Невидимый град / ВикиЧтение. — 2003. — URL: <https://biography.wikireading.ru/243240> (дата обр. 26 марта 2022).
- Русское обозрение. — 1892a. — Июль.
- Русское обозрение. — 1892b. — Окт.
- Русское обозрение. — 1892c. — Март.

- Сдвижков Д. А.* Знайки и их друзья : сравнительная история русской интеллигенции. — М. : Новое литературное обозрение, 2021.
- Тихомиров Л. А.* Отец Иосиф Фудель // Обрученный Церкви. Протоиерей Иосиф Фудель. Жизнеописание. Воспоминания. Письма К. Н. Леонтьеву / под ред. Н. В. Винюкова, О. Л. Фетисенко. — М. : Издательство ПСТГУ, 2020. — С. 267–302.
- Фетисенко О. Л.* Гептастилисты : Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. — СПб. : Пушкинский дом, 2012.
- Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.) — М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2002.
- Флоренский П. А.* Столп и утверждение Истины. Т. 1. — М. : Правда, 1990.
- Фудель С. И.* Воспоминания. — Сергиев Посад, М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Русский путь, 2016.
- Фудель И. И.* Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли. — М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1888.
- Фудель И. И.* Памяти К. Н. Леонтьева // Русское Обозрение. — 1892. — Ноябрь. — С. 406–409.
- Фудель И. И.* Миссия среди интеллигенции // Миссионерское обозрение. — 1901. — Июль. — С. 498–501.
- Фудель И. И.* Нравственно-культурное значение учительства. — М. : Типолит. И. Ефимова, 1904.

Vinyukova, N. V. 2022. "Russkaya 'intelligentsiya' rubezha XIX–XX vekov [The Russian 'Intelligentsia' of the Turn of the XIX–XX Centuries]: ot svet-skogo kanona k tserkovnomu [From the Secular Canon to the Ecclesiastical]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 65–88.

NADEZHDA VINYUKOVA

PHD, SCIENTIFIC EDITOR OF THE GREAT RUSSIAN ENCYCLOPEDIA
 EDITOR-IN-CHIEF OF THE HISTORICAL PROGRAM "WHO ARE WE?"
 THE CHANNEL "RUSSIA-CULTURE" (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-3030-086X

THE RUSSIAN "INTELLIGENTSIA"
 OF THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES
 FROM THE SECULAR CANON TO THE ECCLESIASTICAL

Submitted: Oct. 10, 2021. Reviewed: Jan. 17, 2022. Accepted: Jan. 27, 2022.

Abstract: A lot has been said about the concept of "intelligentsia" in Russian thought in the second half of the XIX – early XX centuries in the scientific literature, but it remains unclear how it sounded when immersed in the church context, whether there was a "church intelligentsia" in the ideas of that time and how the intellectuals identified themselves in the Church. These questions are raised by the author of this article, who resorts to the analysis of the

existence of this concept both in the works of intellectuals, for whom the religious issue was significant, and representatives of the clergy, whom we can conditionally designate as originating “from the intelligentsia”. The conflict of secular and religious discourses is presented within the framework of the history of Russian thought and the history of concepts. At the turn of the century, a spectrum of intellectuals who had a religious request but, to some extent, came into conflict with the Russian Church became noticeable. It could be expressed as a challenge to the official Church and the demand for its renewal or as the experience of internal conflict during efforts of integration into the orthodox tradition. The most striking group were the intellectuals who “returned” to the Church. They were especially acutely aware of the dualism of their position and experiencing difficulties in self-identification. Immersed in the ecclesiastical context, the concept of “intelligentsia”, which originally arose in a secular environment and had both positive and negative connotations, invariably had a critical subtext, the main note of which was the call for spiritual rebirth and the dream of a “new intelligentsia”, which partly received a real (though not mass) embodiment, which was not practically reflected by contemporaries. Nevertheless, by the beginning of the twentieth century, a unique mental canon was developed in the religious understanding of the widespread concept.

Keywords: Russian Orthodox Church, Russian Public Thought, “Vekhi”, I. S. Aksakov, D. S. Merezhkovsky, I. I. Fudel, S. N. Bulgakov.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-65-88.

REFERENCES

- Ayvazov, I. G. 1901. *O svobode sovesti [On Freedom of Conscience]* [in Russian]. Tambov: Gub. zemsk. tipogr.
- Aksakov, I. S. 1891. [in Russian]. Vol. 2 of *Sochineniya I. S. Aksakova [Writings of I. S. Aksakov]*. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya A. S. Suvorina.
- Antonov, K. M. 2012. “‘Vekhi’ [‘Vekhi’]: ponyatiye religii v kontekste filosofskogo postizheniya moderna v xx veke [The Concept of Religion in the Context of Philosophical Comprehension of Modernity in the 20th century]” [in Russian]. In “*Vekhi*” *russskoy religioznoy mysli [‘Vekhi’ of Russian Religious Thought] : 1909–2009. Akty simpoziuma, proshedshego v Rime 26 fevralya 2009 goda [1909–2009. Acts of the Symposium held in Rome on February 26, 2009]*, 175–194. Rim: n. a.
- . 2020. *Kak vozmozhna religiya? [How is Religion Possible?]: filosofiya religii i filosofskiyе problemy bogosloviya v russkoy religioznoy mysli XIX–XX vekov [Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th – 20th Centuries]* [in Russian]. 2 vols. Moskva [Moscow]: PSTGU.
- Arslanov, R. A., and V. V. Blokhin. 2014. “Intelligentsiya v vozzreniyakh rossiyskikh liberalov i reformatorov-demokratov kontsa XIX – nachala XX v. [The Intelligentsia in the Views of Russian Liberals and Reform Democrats of the Late 19th – Early 20th Century]” [in Russian]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhy narodov [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia]*, no. 2: 22–36.
- Blok, A. A. “Rossiya i intelligentsiya [Russia and the Intelligentsia]” [in Russian]. In vol. 1 of *Religiozno-filosofskoye obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde) [Religious and Philosophical Society in St. Petersburg (Petrograd)] : istoriya v materialakh i dokumentakh: 1907–1917 [History in Materials and Documents: 1907–1917]*, ed. by O. T. Yermishin, O. A. Korostelev, and L. V. Khachatryan, 359–367. 3 vols. Moskva [Moscow]: Russkiy put’.

- Bulgakov, S. N. 1908. "Intelligentsiya i religiya (o protivorechivosti sovremennogo bezreligiozno-mirovozzreniya) [Intelligentsia and Religion (On the Inconsistency of the Modern Irreligious Worldview)]" [in Russian]. *Russkaya mysl' [Russia Thought]*, no. 3: 72–103.
- Durylin, S. N. 2014. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920 godov [Articles and Research of 1900–1920]* [in Russian]. Ed. by A. Reznichenko and T. Rezykh. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Fetisenko, O. L. 2012. *Geptastilisty [Heptastilists]: Konstantin Leont'yev, yego sobesedniki i ucheniki [Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Students]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom.
- Firsov, S. L. 2002. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh–1918 gg.) [The Russian Church on the Eve of Changes (Late 1890s–1918)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kul'turnyy tsentr "Dukhovnaya biblioteka".
- Florenskiy, P. A. 1990. *Stolp i utverzhdeniye Istiny [Pillar and Statement of Truth]* [in Russian]. Vol. 1. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Fudel', C. I. 2016. *Vospominaniya [Memories]* [in Russian]. Sergiyev Posad and Moskva [Moscow]: Svyato-Troitskaya Sergiyeva Lavra / Russkiy put'.
- Fudel', I. I. "O khristianskoy publitsistike [About Christian Publicism]" [in Russian]. In *Dom russkogo zarubezh'ya [The House of the Russian Abroad]*. 8/1/5.
- . "Pominki po I. V. Kireyevskom [Commemoration of I. V. Kireevsky]" [in Russian]. In *Dom russkogo zarubezh'ya [The House of the Russian Abroad]*. 8/1/5.
- . "Tserkovnoye uchitel'stvo [Church Teaching]" [in Russian]. In *Dom russkogo zarubezh'ya [The House of the Russian Abroad]*. 8/1/5.
- . 1888. *Pis'ma o sovremennoy molodezhi i napravleniyakh obshchestvennoy mysli [Letters About Modern Youth and Trends of Social Thought]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tip. M. G. Volchaninova.
- . 1892. "Pamyati K. N. Leont'yeva [In Memory of K. N. Leontiev]" [in Russian]. *Russkoye Obozreniye [Russian Review]* (Nov.): 406–409.
- . 1901. "Missiya sredi intelligentsii [Mission Among the Intelligentsia]" [in Russian]. *Missionerskoye obozreniye [Missionary Review]* (July): 498–501.
- . 1904. *Nravstvenno-kul'turnoye znachenie uchitel'stva [Moral and Cultural Significance of Teaching]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tipo-lit. I. Yefimova.
- Gayda, F. A. 2020a. "Predstavleniya o missii 'intelligentsii' v rossiyskoy obshchestvennoy mysli vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Ideas about the Mission of 'Intelligentsia' in Russian Public Thought of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]" [in Russian]. *Vestnik PSTGU. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Saint Tikhon's University Review. Series II. History. History of the Russian Orthodox Church]*, no. 95: 53–69.
- . 2020b. "'Russkaya intelligentsiya' ['Russian Intelligentsia']: rozhdeniye ponyatiya [The Birth of the Concept]" [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 4 (2): 229–248.
- Gippius, Z. N. 1951. *Dmitriy Merezhkovskiy [Dmitry Merezhkovsky]* [in Russian]. Parizh: YMCA-Press.
- Kavelin, K. D. 1989. "Pis'mo F. D. Dostoyevskomu [Letter to F. D. Dostoevsky]" [in Russian]. In *Nash umstvennyy stroy. Stat'i po filosofii russkoy istorii i kul'tury [Our Mental System. Articles on the Philosophy of Russian History and Culture]*, ed. by V. K. Kantor and O. Ye. Mayorova, ??? Moskva [Moscow]: Pravda.
- Keydan, V. I., ed. 2019. *1901–1904* [in Russian]. Vol. 2 of *Vzyskuyushchiye Grada. Khronika russkikh literaturnykh, religiozno-filosofskikh i obshchestvenno-politicheskikh dvizheniy v chastnykh pis'makh i dnevnikakh ikh uchastnikov, 1829–1923 gg. [Seeking Hail.*

- Chronicle of Russian Literary, Religious-philosophical and Socio-political Movements in Private Letters and Diaries of Their Participants, 1829–1923*. 3 vols. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Kolonitskiy, B. I. 2001. "Identifikatsii rossiyskoy intelligentsii i intelligentofobiya (konets 19 – nachalo 20 v.) [Identification of the Russian Intelligentsia and Intelligentophobia (Late 19th – Early 20th Century)]" [in Russian]. In Sdvizhkov 2001, 150–170.
- Leont'yev, K. N. 1912. *Peredovyye stat'i Varshavskogo dnevnika 1880 goda [Leading Articles of the Warsaw Diary of 1880]* [in Russian]. Vol. 7. Moskva [Moscow]: Izdaniye V. M. Sablina.
- Memetov, V. S., ed. 2004. *Intelligentsiya i tserkov' [The Intelligentsia and the Church]: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: materialy xv Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Ivanovo, 23–25 sent. 2004 g. [Past, Present, Future: Materials of the xv International Scientific and Theoretical Conference, Ivanovo, September 23–25, 2004]* [in Russian]. Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet.
- Merezhkovskiy, D. S. 1914. [in Russian]. Vol. 14. Moskva [Moscow]: Gryadushchiy Kham.
- Mitropolit Antoniy (Khrapovitskiy). 1909a. "N. A. Berdyayevu [To N. Berdyayev]" [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 1045: 2–3.
- . 1909b. "N. A. Berdyayevu [To N. Berdyayev]" [in Russian]. *Kolokol [The Bell]*, no. 1046: 2–3.
- . 2007. *Ostayus' lyubiyashchiy neizmenno. Sbornik pisem [Remain Loving Invariably. Collection of Letters]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyr'ya.
- Novoselov, M. A. 2019. *Zabytyy put' opyt'nogo bogopoznaniya [The Forgotten Path of Experienced Knowledge of God]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: T8 RUGRAM.
- Pobedonostsev, K. P. 2001. "Tserkov' i gosudarstvo [Church and State]" [in Russian]. In Sdvizhkov 2001, 6–29.
- Polishchuk, Ye. S. 1994. "Mikhail Aleksandrovich Novoselov i yego 'Pis'ma k druž'yam' [Mikhail Alexandrovich Novoselov and his 'Letters to Friends']" [in Russian]. Pravoslav'naya beseda. Accessed Mar. 26, 2022. <https://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=248>.
- Prishvina, N. D. 2003. "Nevidimyy grad [Invisible Hail]" [in Russian]. VikiChetniye. Accessed Mar. 26, 2022. <https://biography.wikireading.ru/243240>.
- Russkoye obozreniye [Russian Review]*. 1892 [in Russian]. (July).
- Russkoye obozreniye [Russian Review]*. 1892 [in Russian]. (Oct.).
- Russkoye obozreniye [Russian Review]*. 1892 [in Russian]. (Mar.).
- Sdvizhkov, D. A. 2021. *Znayki i ikh druž'ya [The Znayki and their Friends]: sravnitel'naya istoriya russkoy intelligentsii [A Comparative History of the Russian Intelligentsia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Sdvizhkov, D., and I. Shirle, eds. 2012. [in Russian]. Vol. 1 of "Ponyatiya o Rossii" ["Concepts of Russia"] : k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [Toward a Historical Semantics of the Imperial Period]. 2 vols. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Tikhomirov, L. A. 2020. "Otets Iosif Fudel' [Father Joseph Fudel]" [in Russian]. In *Obruchennyy Tserkvi. Protoiyerey Iosif Fudel'. Zhizneopisaniye. Vospominaniya. Pis'ma K. N. Leont'yevu [Engaged to the Church. Archpriest Joseph Fudel. Biography. Memories. Letters to K. N. Leontiev]*, ed. by N. V. Vinyukov and O. L. Fetisenko, 267–302. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo PSTGU.
- Vasil'yev, K., ed. 2011. *Vekhi [Vekhi]: sbornik statey o russkoy intelligentsii [A Collection of Articles about the Russian Intelligentsia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka-Attikus / Avalon".

- Vinyukova, N. V. 2018. "I. I. Fudel' o narodnom obrazovanii (1890-ye – nachalo 1900-kh gg.) [I. I. Fudel on Public Education (1890s – Early 1900s)]" [in Russian]. *Istoricheskiy zhurnal [Historical Journal]: nauchnyye issledovaniya [Scientific Research]*, no. 4: 100–109.
- Vorontsova, I. V. 2020. "Zakoldovannyi krug russkogo soznaniya..." ["The Vicious Circle of Russian Consciousness..."]: *problemy sotsial'no-religioznogo poiska v pravoslavnoy Rossii vtoroy poloviny KHIX – nachala XX veka [Problems of Socio-religious Search in Orthodox Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Zapiski Peterburgskikh religiozno-filosofskikh sobraniy (RFS) [Notes of Religious and Philosophical Meetings]* [in Russian]. 1906. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Sklad u M. V. Pirozhkova.